
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Ю.Г. КОРГУНЮК*

**БЮРОКРАТИЯ И АВТОРИТАРИЗМ:
ДИАЛЕКТИКА ОТНОШЕНИЙ**

Рецензия на кн.: Бюрократия и авторитаризм: панорама междисциплинарной дискуссии / отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – 266 с.

Для цитирования: Коргунюк Ю.Г. Бюрократия и авторитаризм: диалектика отношений (Рецензия) // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 271–278. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.12>

Тема доминирования бюрократии в политической жизни России на всех этапах ее истории не нова, как не нова и констатация связи между этим доминированием и постоянным воспроизводством авторитарных методов в практике управления государством. Между тем вопрос, что является причиной, а что следствием, далеко не прост – в мировой истории известны примеры как «укрошенной» гражданским обществом бюрократии, так и авторитарных режимов со слабым чиновничьим аппаратом.

* **Коргунюк Юрий Григорьевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: partinform@mail.ru

Попытки ответов на этот вопрос предлагают авторы коллективной монографии «Бюрократия и авторитаризм: панорама междисциплинарной дискуссии». Издание приурочено к 75-летию ответственного редактора монографии – доктора политических и философских наук, заслуженного деятеля науки РФ Виктора Павловича Макаренко.

Книга открывается рассказом В.П. Макаренко о своей попытке «разработать концепцию бюрократии на основе переплетения собственного жизненного и научного опыта» (с. 5), значительная часть повествования отводится истории его тяжбы с газетой «Советская Россия», опубликовавшей под его именем статью с критикой Дж. Сороса (1992). Упомянутая статья приведена в приложении, завершающем монографию. Кроме того, ряд статей издания посвящен не столько основной теме, сколько лично юбиляру.

В первую часть монографии вошли материалы, опубликованные почти тридцать лет назад. Первый из них – статья *В.П. Макаренко* (в соавторстве с *В. Исаевым*), вышедшая в 1992 г. в «Российской газете». В этой статье критикуется проект закона о государственной службе, который в тот момент был вынесен на обсуждение Верховного Совета РФ. Главным недостатком этого проекта, по мнению авторов, является представление о государстве как абсолютном благе (с. 13). В связи с этим В. Макаренко и В. Исаев поставили вопрос, что именно разработчики хотят получить на выходе: «систему, обеспечивающую исполнение законов, или жесткую чиновничью иерархию, стоящую над народом и над законом». По мнению авторов, все законы, включая представленный, «должны строиться на альтернативных, взаимоисключающих принципах и концепциях, обсуждаться параллельно специалистами и с учетом общественного мнения» (с. 16).

Второй материал – стенограмма *круглого стола* в журнале «Вопросы философии» на тему «*Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России*» (июнь 1992 г.). Здесь наиболее интересным представляется выступление *В.М. Межуева*, выразившего уверенность, что авторитаризм в постсоветской России – «не желательная (чего тут можно желать?), а, увы, объективно неизбежная форма правления» (с. 21). «Я не верю в возможность полной победы у нас в ближайшем будущем демократической власти, делающей упор не на личность политика, претендующего на роль общенационального лидера, а на закон и конституционно оформ-

ленное соперничество партий в борьбе за власть», – подчеркнул выступающий (с. 22–23). По мнению В. Межуева, «нигде и никогда политическая демократия не видела свою цель в переходе к рынку и частной собственности» («Последние возникают задолго до победы демократии и в условиях, не имеющих с ней ничего общего. Не демократия порождает частную собственность, а частная собственность, развивавшаяся до всеобщего условия жизни большинства населения, приводит к демократии» (с. 19)). В поддержку своего утверждения он указал на отсутствие в постсоветской России «гражданского общества, которое, как известно, складывается задолго до установления демократических режимов власти» (с. 23). Нельзя не признать, что аргументы В.М. Межуева весьма уместны, а прогнозы на удивление точны.

Одновременно он практически сформулировал лозунги, которыми в недалеком уже будущем стал жонглировать новый, мимикрирующий под демократию, авторитаризм: «Сводить демократию лишь к защите интересов и прав частного лица, отрицая при этом необходимость отстаивания общенациональных интересов государства и народа, – значит допускать преднамеренную историческую и теоретическую ложь, искажающую и дискредитирующую саму идею демократии. <...> Демократия... отстаивает не только частные интересы граждан перед лицом собственного государства, но и общие интересы последнего перед лицом других государств» (с. 24–25). Ну чем не сурковская концепция «суверенной демократии»?! Ирония судьбы заключается в том, что В.М. Межуев имел в виду настоящую демократию, а не ее симулякр, декорирующий авторитарную форму правления.

Вторая часть монографии посвящена состоянию сферы властно-бюрократической активности через три десятилетия после начала реформ.

В.П. Макаренко анализирует «государственную рутину» современной России с точки зрения разделения общества на две части: «полициеизирующих и полициеизированных индивидов». По мнению автора, история постсоветской России сформирована представителями первой из них (с. 64).

А.В. Глухова рассматривает (на примере России) феномен «нового авторитаризма», к характерным чертам которого относит «игнорирование плюралистического характера общества и политики»; «популистские апелляции к народу, к поддержке большин-

ства, обеспечивающей правящей партии и режиму в целом широкие возможности для ограничения политических и гражданских прав и свобод»; использование для обоснования политического курса традиционалистских идеологем с опорой на религию; усиление контроля над СМИ, прежде всего Интернетом; активное использование суда и силовых органов для подавления общественного сопротивления; обвинение «внешних сил» в организации заговоров с целью свержения власти в стране и т.д. (с. 82–83).

С.Д. Хайтун перечисляет «ошибки Карла Маркса», главной из которых называет непринятие в расчет феномена номенклатуры как «извращенной формы бюрократии», образуемой системой привилегий и коллективной собственности чиновников (с. 108–109). По определению автора, номенклатура – «это та материальная основа, которая определяла природу СССР и ельцинской России, а сегодня определяет природу путинской России» (с. 106). При этом *С.Д. Хайтун* признает, что его определение номенклатуры существенно отличается от «классического», т.е. данного *М.С. Восленским* («перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий [партийный] орган») (с. 111). *Восленский*, указывает автор, не заметил системообразующей роли привилегий чиновников и номенклатурной собственности (с. 111–112).

Представляется, однако, что *С.Д. Хайтун* неправомочно расширяет понятие номенклатуры далеко за исторические и региональные рамки этого феномена. Привилегии у бюрократии появляются везде, где она выступает в роли доминирующего политического класса, – независимо от того, насколько жестко она при этом централизована. Многие режимы такого рода спокойно обходятся без спускаемых сверху списков назначенцев, в связи с чем использование по отношению к ним термина «номенклатура» не вполне корректно, поскольку делает его бессодержательным. Но особенно спорным выглядит тезис о существовании некой «номенклатурной собственности». Понятие собственности подразумевает наличие оформленных законом (либо обычаем) прав, о которых в данном случае говорить не приходится. Извлечение же чиновниками материальной выгоды из своего должностного положения не нуждается в законодательном оформлении: напротив, чем меньше закона, тем больше выгоды, о чем свидетельствуют коррупционные практики любых авторитарных (и не только) режимов.

Э.И. Колчинский, рассматривая на примере истории Российской Академии наук нюансы взаимодействия науки и государственной бюрократии, приходит к выводу, что в постсоветский период РАН не удалось решить «главную проблему в организации фундаментальной науки, вкусившей прелесть самоуправления и не желавшей возвращаться в подчинение бюрократии при авторитарном режиме», – «оказалось, что российская наука, получавшая значимые результаты в условиях тоталитарного режима, без государственной поддержки быстро деградировала» (с. 135). При этом, по мнению автора, в результате реформы 2013 г. «бюрократия окончательно победила науку, а РАН превратилась в образование, непонятно для чего существующее и неизвестно чем занимающееся, но во всем послушное властям» (с. 139).

А.В. Скиперских, обозревая ситуацию в регионах, заключает, что проблемой российской провинции является не столько всеисилие бюрократии, сколько ее дефицит: «Сосредоточение власти в центре создает бюрократический дисбаланс при распределении власти по всему пространству политического. Плотность бюрократии в российской провинции значительно уменьшается, что не может не сказываться на культурных последствиях. Из российской провинции уходит жизнь, а жители провинции постепенно оказываются в экзистенциальной ситуации» (с. 151).

В **третью** часть монографии вошли статьи, представляющие собой плоды методологической рефлексии по поводу политического доминирования бюрократии в российской истории.

М.В. Рац, С.И. Котельников и Б.Г. Слепцов апеллируют одновременно и к концепции «политической бюрократии» В.П. Макаренко, и к традиции Московского методологического кружка (ММК). Определяющим признаком систем правления с господством политической бюрократии они считают «отсутствие публичной политики и политической системы». По их мнению, в России «правление политической бюрократии, будучи подготовленным веками самодержавия, сформировалось в своей чистоте после установления советской власти и, за вычетом нескольких лет в начале “лихих девяностых”, процветает по сию пору» (с. 156). В работе формулируется «локальная программа перехода от господства политической бюрократии к политической системе», встраиваемая «в будущую программу самоорганизации человечества и движения к идеалу мыследеятельности в целом» (с. 175).

Политическим идеалом авторы видят «не-господство», «правление, не нарушающее автономии управляемых», которое они считают «характерной для нашего времени исторической тенденцией, направляющей движение от представительной демократии к демократии участия» (с. 187).

А.В. Оболенский, избравший предметом стереотипы бюрократического сознания, констатирует, что современная Россия превратилась в «полицейско-бюрократическое государство в худшем смысле каждого из слов», а отечественная бюрократия – в «реальное политическое зло» (с. 194), «раковую опухоль на теле общества» (с. 208). С позиций веберовского понимания рациональности, полагает А.В. Оболенский, российская бюрократия является иррациональной: «Ее качество определяют три дефицита – дефицит интеллекта, дефицит инициативности и дефицит порядочности» (с. 208).

А.П. Давыдов рассматривает «синкретический механизм “власть – собственность – управление”», который зародился во Владимиро-Суздальском княжестве в XII в., окончательно сформировался в Московско-ордынском имперско-племенном способе управления страной в XIII–XIV–XV вв., был основной социально-политической скрепой Московского царства / Российской империи в течение последующих веков и сохранился в советской и затем в постсоветской России почти в неизменном виде» (с. 210). Этот механизм, который автор вслед за историком Ю. Семеновым называет «политарным», являлся «политическим, социально-экономическим основанием и докапиталистических отношений в России, и зарождавшегося в стране капитализма, и строившегося большевиками социализма, и нынешней постсоветской застрявшей между рынком и “распределительным социализмом” системой» (с. 210).

Статья *М.С. Константинова* посвящена не заглавной теме монографии, а вкладу В.П. Макаренко в разработку методологии «политико-концептологической работы», суть которой, по мнению автора, заключается в том, чтобы «сквозь призму наблюдений над собственным внутренним миром понять способы осмысления актуальной проблематики другими людьми и через это понимание объяснить их поведение» (с. 241).

Наконец, в еще одной работе *С.Д. Хайтуна* злободневная тема пандемии COVID-19 взята как повод для размышлений над не менее важной проблемой: как избежать «технократических и иных глобальных катастроф», происходящих по вине ученых. Присоеди-

нившись к версии Я. Ашихмина, согласно которой коронавирус вырвался из лаборатории вследствие просчета экспериментаторов, недооценивших такую опасность, автор предлагает учредить некий особый механизм внешнего контроля над наукой, который, с одной стороны, не ограничивал бы свободу научного творчества, а с другой – не позволял бы ученым «генерировать катастрофы». В качестве такого механизма С.Д. Хайтун видит аналог суда присяжных, который, «вынося вердикт о потенциальной опасности или безопасности конкретных исследований, одновременно не вмешивался бы “во все другие вопросы научной жизни” и тем самым минимизировал бы “урон свободе научного творчества”» (с. 255).

Представляется, что автор пытается изобрести велосипед: подобные механизмы уже существуют, и в немалом количестве. Хотя бы тот же парламент – орган вполне компетентный, чтобы разработать в этой сфере достаточно эффективное законодательство и все необходимые механизмы контроля над его выполнением. Или институт свободной прессы, поднимающий животрепещущие вопросы из всех областей общественной жизни, включая научную. Другое дело, что эти институты должны реально функционировать, а не имитировать бурную деятельность. Но то же самое касается и суда присяжных: в ситуации, когда не работают «традиционные» институты общественного контроля, невелика гарантия, что и этот орган не превратится в подобие института народных заседателей в советском суде – в просторечии «кивал», формально легитимировавших своим наличием решения профессиональных судей.

В целом широта, с которой авторы монографии подходят к рассмотрению поставленных ими проблем, выдает в них людей с преимущественно философским образованием и намерением предложить политической и исторической науке ни много ни мало новый язык концептуализации. Вопрос, однако, в том, насколько такой язык будет востребован историками и политологами, занятыми эмпирическими изысканиями. Ведь чтобы этим исследователям была какая-то польза от новаций, те должны быть доведены до уровня даже не методологии, а детализированной методики работы с источниками и эмпирическими данными. Пока этого нет, исследователи-эмпирики будут воспринимать предлагаемые им концепты как очередные красивые упаковки старых товаров. К сожалению, политическая философия и политические (исторические) исследования до сих пор существуют в параллельных,

фактически не пересекающихся мирах. Подтверждает это в том числе и рецензируемая монография.

Что касается вопроса о первичности – политического доминирования бюрократии или авторитаризма, то ответа на него монография, конечно же, не дает, да и вряд ли может дать, поскольку во многом он аналогичен вопросу о первичности яйца либо курицы. Но от последнего можно отделаться самыми общими рассуждениями – мол, все зависит от точки зрения: на микроуровне первично яйцо, потому что оно раньше появляется, на макроуровне первична курица, потому что яйцо – лишь одна из стадий ее жизненного цикла. Но в случае с бюрократией и авторитаризмом это не поможет, поскольку трудно сказать, что появилось раньше. Есть серьезное опасение, что осмыслить диалектику их отношений во всей полноте удастся не раньше, чем оба понятия станут инструментами описания прошлого, а не настоящего и тем более будущего.

Yu.G. Korgunyuk*

Bureaucracy and authoritarianism: dialectics of the relationship (Review)

For citation: Korgunyuk Yu.G. Bureaucracy and authoritarianism: dialectics of the relationship (Review). *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 271–278. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.12>

References

Макаренко В.П. (ed.). *Bureaucracy and authoritarianism: a panorama of interdisciplinary discussion*. Rostov-on-Don; Taganrog : Publishing house of the Southern Federal University, 2020, 266 p.

Литература на русском языке

Бюрократия и авторитаризм: панорама междисциплинарной дискуссии : коллективная монография / отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. – 266 с.

* **Korgunyuk Yuri**, Institute of scientific information for social sciences (INION) of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: partinform@mail.ru